

ников либерализма увеличивается. Действительно, в России в условиях создавшегося идеологического вакуума рождаются и множатся различные «новые» идеологии (религии, секты и т. д.). Среди них присутствует и «либерализм» в упомянутом выше смысле. Не исключено, что он станет главной идеологией будущего. В какие формы он выльется — нетрудно себе представить, и тогда прошлое покажется более светлым, чем будущее.

В заключение отмечу, что в целом наше общество — приятное и высокоинтеллектуальное — порою напоминает «пир во время чумы».

Мир входит в полосу кризисов. Задача ученых (и нас, в том числе) — разработать и предложить стратегию и тактику поведения, т. е. ряд конкретных мер, которые позволят пройти эту полосу с наименьшими потерями.

Обсуждение же всяческих «измов», на мой взгляд, не способствует решению этой задачи.

Либерализм — это фашизм сегодня

В.Э. Багдасарян, доктор исторических наук

Либерализм, с моей точки зрения, есть великая утопия. Как система он никогда и нигде не существовал и в принципе существовать не мог. Вне социума человек не существует. Социум же всегда накладывает определенные ограничители. Начало социума — это введение первых табу. Исторически запрет на инцест как акт введения первого табу рождает социум. Либерализм провозглашает другую программу, прямо противоположную, — программу детабуизации.

Свобода всегда имеет сослагательное наклонение. Она предполагает вопросы: «Свобода от чего?», «Свобода по отношению к чему?». Сама по себе свобода вне контекста

этих вопросов абсурдна. Свобода, взятая в качестве чистой идеи — как это было блестяще показано в «Бунтующем человеке» А. Камю — ведет к самоубийству человечества.

Либерализм исторически развивался как идеология снятия социальных скреп — религии, государства, народа, в перспективе — семьи. Мать и отец — это такие же ограничители в отношении свободы индивидуума, как и государство.

Либерализм несет идею отрицания. Какой-то позитивной программы в нем не заложено. Это идея, которая ставит минус. Исторически либерализм мог существовать, только смешиваясь с другими идеологиями. Известны политические варианты смешения его и с социализмом, и с консерватизмом. Генезис либерализма заключался в разводе его с иными позитивными идеологиями. Первоначально произошел развод с национальными учениями, затем — с социальными. Сегодня мы наблюдаем развод либерализма с демократией, понимаемой классически как народовластие.

Итак, либерализм как чистая модель никогда не существовал. Но для чего тогда нужно было это либеральное прикрытие?

Либерализм всегда находился в парадоксальном сочетании. Свобода одних предполагала несвободу и эксплуатацию других. Вне этой дихотомии мы нигде либеральную практику не обнаруживаем. Столкновение меньшинства с большинством составляло социальную парадигму утверждения либерального концепта.

Краткий исторический экскурс подтверждает эмпирически данный тезис. Античный мир: греки выдвигают идею свободы. Но именно в эллинском мире процветает рабовладение. Раб, как известно, не считался эллинами человеком. По Аристотелю, это живое орудие, вьючное животное. Свобода, таким образом, предназначалась не для всех. Во всяком случае, на рабов она не распространялась.

В Средние века рабство не исчезает. Самые процветающие, свободные торговые фактории — Генуэзская и Венеци-

анская — были ведущими центрами рабовладения и работорговли. Торговля венецианцев рабами осуществлялась по всему Средиземноморью. Как это сочеталось — городские свободы и торговля рабами? Понятие «человек» опять-таки относилось не ко всем. Не будучи гражданином Венеции, раб не являлся и человеком.

Новое время характеризуется развитием идеи политических свобод. Но одновременно происходит становление системы мирового колониализма. Всего за период колониальной экспансии более 80 млн рабов было вывезено из Африки. Показательно, что среди рабовладельцев фигурировали многие теоретики либерализма. Владельцами рабовладельческих плантаций являлись, в частности, отцы-основатели США: президенты Вашингтон, Джефферсон, Мэдисон. Ценность свободы удивительным образом сочеталась в их представлении с обыденностью несвободы. Понятие «человек» носило по-прежнему избирательный характер. Те же основания имел парадокс российских либералов-крепостников.

Только в XIX в. вводится запрет в Европе, а потом и в США, на рабовладение. Но именно в это время в процессе становления колониальной системы колонизаторы научились использовать механизмы эксплуатации через косвенное принуждение. Прямое физическое рабство заменяется рабством экономическим. Свобода одних — владельцев ресурсов — по-прежнему сочетается с несвободой других, являющихся теперь формально свободными.

В свете сказанного понятной становится природа сочетания либеральной тусовки 1990-х гг. с резкой социальной деградацией большинства российского населения. В этом, собственно, и состоял смысл реализации либерального концепта: ограбление большинства («быдла») в пользу группы свободных индивидуумов. Свобода этой группировки новых хозяев жизни выстраивалась на несвободе остального населения. Иначе, при последовательном движении по либеральным лекалам, и быть не могло.

Резюмирую: сегодня либерализм — это вариант неокониализма, это механизм несилового экономического рабства. Не случайно на вопрос о том, почему только на Западе сумел прижиться либерализм, докладчик дает ответ, напоминающий формулу «дикость — варварство — цивилизация». Не доросли, видите ли, до цивилизации восточные народы. Я полагаю иначе: там, где нет колоний, либерализм не реализуется. Поэтому фашизм и либерализм — это явления родственные. Они отражают два исторически проявляемых варианта западной экспансии в мире. В свое время был решительно осужден один из этих вариантов — фашизм. Настало время поставить вопрос о либерализме как явлении, родственном по отношению к фашистской идеологии.

Либерализм оказался не в состоянии дать решение ни одной социальной проблемы

В.Л. Римский

Я согласен с утверждением докладчика о том, что происходящие изменения социума и взаимодействий в нем создают условия для появления новых версий либерализма, равно как и других идеологий. И такие новые версии появляются. Но все они сохраняют некоторые весьма существенные, по моему мнению, особенности, одна из которых в том, что концептуальные положения либерализма остаются ясными и понятными только на уровне высокой социальной абстракции. Попытки конкретизации этих положений либерализма до уровня осуществления социальных практик выявляют существенную неоднозначность их смыслов, которая не может быть устранена ни в теории, ни в практике деятельности органов власти и индивидов. Приведу только два примера таких концептуальных положений.